

Горы Цишань

Небо и облака, горы и реки — всё вокруг утопало в бескрайней белизне. Снежные хлопья густо устилали землю, и лишь тёмные тени деревьев ложились на застывшую гладь Изумрудного озера. Длинная нить дамбы да крошечная точка павильона посреди озера — вот и всё, что нарушало это извечное зимнее безмолвие.

Хуаньюй, закутавшись в белоснежную лисью шубу, сидел у окна и не сводил глаз с Павильона посреди озера. В горах Цишань воцарилась зима, и гомон неугомонных птиц, обычно наполнявший эти места, давно стих.

Он украдкой взглянул на Фэн Цзюэчэня, который склонился над свитками, сосредоточенно погружившись в чтение, а затем нарочито равнодушно перелистнул страницу своего канона. В его черных глазах вспыхивали озорные искры — Хуаньюй явно задумал какую-то проказу.

Фэн Цзюэчэнь завалил его скучными заданиями, требуя заучивать бесконечные тексты, но от одного вида этих заумных иероглифов у Хуаньюя начинала болеть голова. Зимние пейзажи за окном манили его куда сильнее, чем пыльные свитки.

— Кхм, Фэн Цзюэчэнь.

Прочистив горло, Хуаньюй отложил книгу и подошёл к письменному столу.

— В чём дело? — Фэн Цзюэчэнь не поднял головы, продолжая читать, но через мгновение замер и вперил строгий взгляд в лицо ученика. — Нужно называть меня «учитель». К тому же, если судить по кровному родству, я твой старший брат-близнец.

Разговоры о «близнецах» Хуаньюй считал пустой болтовнёй. На самом деле это божество Байцзе при помощи магии выделило его сущность из тела Фэн Цзюэчэня. Разумеется, он не был его потомком — среди клана Фениксов ещё не рождались легенды о том, чтобы самец производил на свет дитя. Байцзе объяснял всё иначе: они были единым целым, но ему не хватило сил, чтобы обрести плоть, и лишь малая часть его линшэнь укрылась внутри Фэн Цзюэчэня, выжив благодаря его защите. Старик также утверждал, что он — единственный истинный феникс, принадлежащий лишь своему защитнику. А это значило...

— Брат? Но ведь у нас даже матери разные.

Хуаньюй никогда не называл его братом. В глубине души он отказывался признавать подобную связь.

Фэн Цзюэчэню нечего было возразить — он и сам не знал, кто подарил ему жизнь. От того же Байцзе он слышал, что они — дети Неба и Земли, рождённые из самой их сути. Сироты мироздания.

— И всё же мы — близнецы.

Те же миндалевидные глаза, те же алые родинки между бровей, те же радужные крылья за спиной. Несмотря на различия в чертах, сходство было неоспоримым.

— Сказки всё это, — презрительно фыркнул Хуаньюй. — Фэн Цзюэчэнь, метель за окном всё сильнее, а я вот припомнил... Твоя птица Хуалин ведь так и не вернулась, верно?

— Хуалин?

Фэн Цзюэчэнь отложил свиток и задумался.

— И впрямь, её ещё нет.

Хуаньюй засиял от предвкушения. Фэн Цзюэчэнь сразу раскусил этот наивный манёвр — после всех этих хитростей стало ясно: мальчишке просто не терпится сбежать на прогулку.

— Надень шубу поплотнее, пойдём поищем её.

Небо затянуло сумерками, снег кружился в воздухе, перемешиваясь с лепестками сливы, точно пух ивы на весеннем ветру.

— Признайся, Хуаньюй, тебе просто хотелось погулять?

Фэн Цзюэчэнь замер под раскидистым деревом. Снежно-белый мех его накидки сливался с пейзажем, а длинные чёрные волосы рассыпались по плечам — он не любил заколки и всегда оставлял их распущенными.

Хуаньюй ловил ладонями снежинки, делая вид, что не слышит вопроса.

— Уже поздно. Нам нужно вернуться до темноты.

Понимая, что Хуаньюй упрямится намеренно, Цзюэчэнь не стал настаивать. Несмотря на то что Хуаньюю перевалило за тысячу лет, он сохранил ребячливый нрав, и учитель лишь безмолвно потакал ему. Только благодаря ауре этого мальчишки мир Девяти Зелен перестал казаться ему пустым, а сердце познало вкус простых радостей и печалей.

Хуаньюй крутанулся на месте, взметнув полы одежд и подняв в воздух снежную пыль. Остановившись перед учителем, он бросил:

— Фэн Цзюэчэнь, ты вечно такой зануда.

— Зови меня учителем.

Фэн Цзюэчэнь осторожно смахнул снег с его макушки, но не коснулся лепестков сливы, запутавшихся в его волосах, лишь замер, залюбовавшись.

Хуаньюй терпеть не мог, когда тот подчёркивал их статус. Это звучало как напоминание: что бы ни случилось, они навеки останутся мастером и учеником, братьями-близнецами. От этой мысли внутри вспыхнуло негодование. Желая выплеснуть досаду, он вцепился в руки Фэн Цзюэчэня и, улочив момент, попытался подсесть его.

Но где ему было тягаться с мастерством бога? Затея провалилась: вместо того чтобы повалить учителя, он сам поскользнулся на обледенелом снегу. Фэн Цзюэчэнь потянулся к нему, чтобы удержать, но тот, не желая сдаваться, с силой дёрнул его на себя. Не ожидавший такой прыти учитель потерял равновесие, и они оба рухнули в сугроб.

— Ну что, всё ещё «учитель»? — с издевкой бросил Хуаньюй, пытаясь отбиться от навалившегося на него мужчины.

Фэн Цзюэчэнь перехватил его запястья, прижимая руки к земле, и придавил своим телом его брыкающиеся ноги. Хуаньюй густо покраснел — то ли от смущения из-за их двусмысленной позы, то ли от жгучего мороза. Впрочем, зная его характер, в стыдливость верилось с трудом.

— А это тоже входит в обязанности учителя? — не унимался Хуаньюй.

Он тяжело дышал после борьбы, но продолжал извиваться под ним, точно пойманный вьюн.

— Не двигайся.

Голос Фэн Цзюэчэня стал низким, а привычное бесстрашие на лице дрогнуло.

Хуаньюй замер. Он мгновенно всё понял, ведь они оба были...

Фэн Цзюэчэнь склонился, зарываясь лицом в изгиб его шеи. Их длинные волосы рассыпались по снегу, переплетаясь, точно мазки туши на девственно чистом полотне.

— Фэн Цзюэчэнь?.. — тихо позвал Хуаньюй, чувствуя, как мелко дрожат плечи мужчины. — Что с тобой?

Горячее дыхание в ложбинке шеи вызывало щекотку и странный трепет.

— Мы не близнецы, — внезапно глухо произнёс тот.

Хуаньюй вздрогнул.

— Знаю.

— И я не твой учитель.

— Знаю.

Фэн Цзюэчэнь выпустил его запястья и коснулся пряди волос у его лица. Хуаньюй боялся пошевелиться. Всё происходящее казалось невыносимым: всегда сдержанный, он, который дорожил каждым правилом и требовал беспрекословного почтения, сейчас сам разрушал их мир.

Учитель поднял голову. В его взгляде, обычно холодном и ясном, теперь горел лихорадочный блеск.

— Хуаньюй...

Каждый раз он произносил это имя отстранённо, но теперь в его голосе звучало нечто иное. Сокровенное.

«Сдаюсь», — мысленно вздохнул Хуаньюй.

Он давно всё понимал, и знал, что Фэн Цзюэчэнь чувствует то же самое. Но если учитель не решался сделать первый шаг, значит, Хуаньюй должен сам подтолкнуть его в эту бездну. Помочь ему переступить черту, разделяющую их жизни.

Для Фэн Цзюэчэня эта связь была греховной? Близнецы, наставник и ученик — пути долга были слишком крепки.

Хуаньюй обхватил его за талию и, видя его смятение, подался вперёд, целуя в губы.

— Пусть всё случится здесь.

Он сам поразился собственному спокойствию. Он искушал своего бога, шаг за шагом уводя его в неведомое.

Фэн Цзюэчэнь замер. Внутренняя борьба всё ещё отражалась на его лице, не позволяя окончательно отдаться порыву.

— Это ученик соблазняет учителя. Зачем вам винить себя?

Хуаньюй скользнул губами ниже, к пульсирующей жилке на шее, едва касаясь её. Фэн Цзюэчэнь содрогнулся всем телом. Плотина рухнула — сдерживать себя более было невозможно.

Он и не догадывался, что Хуаньюй станет для него самым сладким и губительным ядом.

«Зачем тебе винить себя?»

Позже, вспоминая эти слова, Хуаньюй поймёт, насколько горькой была эта усмешка судьбы.

<http://bllate.org/book/17464/1691833>